

ВИКТОР
ПРОНИН

ОСТРОВ

Виктор Пронин

Остров

«ЭКСМО»

Пронин В. А.

Остров / В. А. Пронин — «Эксмо»,

Остров начинал звенеть в твоей душе каждую весну, словно тонкая, искрящаяся на солнце сосулька. Но наступало лето с жарой, поездами, катерами, и звон утихал. А когда опять приходила весна, в гуле ветра вновь слышался настойчивый звон. И перед твоими глазами, как прозрачный мираж, появлялся далекий Остров. Он напоминал магнитную стрелку гигантского компаса, иногда – корабль, вспарывающий волны, или глубинную рыбу с костистой пастью. Но чаще всего – холодную сосульку, утыканную острыми солнечными бликами.

© Пронин В. А.

© Эксмо

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Виктор Пронин

Остров

* * *

ПРОЛОГ. Остров начинал звенеть в твоей душе каждую весну, словно тонкая, искрящаяся на солнце сосулька. Но наступало лето с жарой, поездками, катерами, и звон утихал. А когда опять приходила весна, в гуле ветра вновь слышался настойчивый звон. И перед твоими глазами, как прозрачный мираж, появлялся далекий Остров. Он напоминал магнитную стрелку гигантского компаса, иногда – корабль, вспарывающий волны, или глубинную рыбу с костистой пастью. Но чаще всего – холодную сосульку, утыканную острыми солнечными бликами.

Ты рассматривал карту Острова, вчитываясь в незнакомые названия городов и поселков, читал куцые газетные сообщения о зимних буранах на Острове, осенних циклонах, весенних паводках... В людях, которые возвращались оттуда, ты невольно искал что-то необычное, а открытки и фотографии Острова рассматривал чуть ли не по квадратным сантиметрам.

Все это стало слишком навязчивым. И было уже неважно, понравится тебе Остров или нет, добьешься ты там чего-нибудь или вообще твоя жизнь после этого пойдет кособоком.

И наконец пришел день, когда ты сел в самолет.

Тихий, почти неслышный звон к тому времени превратился в настоящий гул, эхо, от которого не затихало от весны до весны.

Если говорят, что каждый должен убить своего льва, то, наверно, можно сказать, что каждый должен пройти через свой Остров. Впрочем, это почти одно и то же. Ты можешь вынести оттуда длинный рубль, плохие стихи или хороших друзей, ты можешь оттуда ничего не вынести, но главное – ты докажешь самому себе, что способен на такие вещи. Рано или поздно наступает день, когда ты вдруг ощущаешь пустоту и бессмысленность своей жизни. И вовсе не потому, что твоя жизнь в самом деле пуста. В этот момент гораздо важнее узнать свою критическую точку, узнать, где кончается твоя атмосфера.

Скажи, ты никогда не задавался вопросом – а для кого дальние дороги? Морские суда и самолеты – для кого? Для кого шумит тайга, плывут льдины, для кого маленькие купе островной узкоколейки?

Эти вопросы лишают уверенности, ты начинаешь сознавать однобокость своей жизни. Да, у тебя есть любимая работа, город, друзья, ради всего этого ты можешь отказаться от чего угодно, но – отказаться. Ты можешь в конце концов отказаться и от Острова, но сначала ты должен иметь его, быть там, иначе это будет не отказ, а лишение. А вот лишиться Острова заведомо, не глядя, ты не согласен.

* * *

Твоя критическая точка...

Твой испытательный полигон...

Ты проходишь через него и достигаешь вершины, издали кажущейся неприступной.

Друзья могут быть разочарованы твоей целью, они могут ни во что не ставить твои результаты, но ведь ты добирался до вершины не для того, чтобы хвастать этим. Просто возвращаешься другим, вот и все. Можешь вернуться вообще без сил, но ты стал сильнее, и это главное.

ИТАК, ОСЕНЬ. Тихая, сырая осень.

Идет какой-то смущающийся дождь, и взлетная полоса блестит, как большой проспект, с которого вдруг исчезли дома, деревья, памятники. Осталась только прямая и чистая дорога. В ее мокрой поверхности отражаются серые громады самолетов. По их клепаным бокам, будто покрытым гусиной кожей, рывками стекают капли дождя. Здесь, на земле, самолеты кажутся чужими и неуклюжими. Они угрюмо ждут, пока маленькие, суетливые люди закончат возню и можно будет взречь восторженно и освобожденно, оттолкнуться и уйти к себе – в тяжелое, сырое небо.

Потом, когда наступили сумерки, ты медленно прошел через летное поле, ступая по мокрым бетонным плитам, по мелким морщинистым лужам, по листьям, занесенным сюда с деревьев, окружающих здание аэропорта. Листья казались выцветшими, они лежали на бетоне бледные и размокшие.

Тебя обогнал электрокар, и оранжевая куртка водителя тоже казалась какой-то бесцветной.

В свете прожекторов тускло поблескивало брюхо самолета. Концы прогнувшихся вниз крыльев скатывались в тумане. И конца очереди у трапа тоже не было видно. Плотная очередь, казалось, шла через все поле, выходила на шоссе и тянулась, тянулась, будто весь город выстроился к трапу, будто объявление о посадке прозвучало не только в здании аэропорта, но и в домах, на заводах, в кинотеатрах.

А потом по телу самолета пробежала нетерпеливая дрожь, он дернулся, торопясь пронестись по полосе, оттолкнулся и, успокоившись, ушел в туманное небо. Где-то внизу, под маскировочной сеткой тумана, текла широкая река, тлели огни катеров и барж. Среди огней миллионного города тихо светились на окраине два маленьких розовых окошка твоих стариков. Они сейчас хорошо слышали рев моторов, которые темнели и отплеывались искрами в нескольких метрах от тебя.

Через несколько минут показались звезды.

А город словно растворился в тумане. Не просто стал невидимым, нет, он исчез с лица земли на те несколько лет, пока тебя не будет здесь. И тощая пачка писем, что соберется у тебя, – это все, что от него осталось.

Самолет продолжал набирать высоту. Все свои успехи ты увозил с собой, а внизу, на земле, оставались неудачи. Отсюда, с высоты звездного неба, они казались псами, упустившими вдруг того, за кем так долго гнались и кого уже почти настигали. Их переполняла бесильная ярость, они металась, злобно кружились на месте, хрипя и брызжа слюной.

* * *

В Москве стоял мороз, и прозрачная поземка мела по белесым плитам аэродрома. В ясном ночном воздухе самолеты уже не казались угрюмыми существами из другого мира. Они сверкали разноцветными бликами, будто приглашая к тревожному и неожиданному празднику.

По пустынной дороге, в темном автобусе ты переехал из Внукова в Домодедово. Там на тебя сразу дохнуло бесконечными просторами, которые измерялись тысячами километров, сутками перелетов, часовыми поясами. И над пассажирами, как цены их шапок, невидимо витали цифры – количество километров, которые им предстояло пролететь. Твоя шапка стоила десять тысяч километров.

И опять самолет рванулся в небо, раскалывая и дробя мерзлый воздух. Москва, будто громадная плоская галактика, качнулась и ушла в сторону, постепенно уменьшаясь и бледнея. А самолет, вневременной космический корабль, уносил своих пассажиров не то в прошлое,

не то в будущее. Для тебя же Остров был и прошлым, и будущим. Через пятнадцать часов он станет твоим настоящим.

Ночь кончилась неожиданно быстро, а утром где-то внизу медленно и величаво, как на глобусе, поплыли заснеженные горы Урала, замерзшие болота Западной Сибири, днем ты увидел горы Восточной Сибири, похожие на скомканную розовую бумагу. Потом приблизился Дальний Восток – сумрачный и туманный. Неожиданно кончились облака, будто отшатнулись назад, к материку, а под самолетом оказалась пустота, от которой сжималось сердце и метался по груди перепуганный холодок. На дне провала синело море. Это был Татарский пролив. Едва достигнув его середины, самолет начал снижаться, и сосулька в тебе зазвенела нестерпимо сильно, до сладкой, ноющей боли.

ИЗ ГАЗЕТ. Тайфун, который обрушился на острова Курильской гряды, приблизился сегодня к берегам Сахалина.

ФЕВРАЛЬ. ВЕЧЕР. Вечер наступил раньше обычного, это было заметно сразу. Уже к четырем часам ступили сумерки, и небо налилось какой-то злобной силой. Над головой ощущалась тяжесть. Она настораживала, словно вот-вот должно произойти что-то значительное и неотвратимое. И темнело в этот день по-особенному, как в кинотеатре – со всех сторон сразу. Не было уже ни запада, ни востока, а солнце, закрытое плотными, набитыми снегом тучами, будто люстра, угасало прямо на глазах. А когда стемнело, в свете уцелевших после январского бурана фонарей, на фоне окон и витрин стало видно, как валит снег.

Психическая атака, иначе это не назовешь. Крупные снежинки шли сплошной массой, сталкиваясь и срастаясь друг с другом. Если б не холод, не ветер, то сугробы можно было бы сравнить со вскипающим молоком. Они набухали, росли, затопляя улицы, дворы, подбирались к подоконникам нижних этажей.

То, что мягкой тяжестью валилось сверху, вряд ли можно назвать снегом – словом, за которым еще с детства стоит что-то праздничное. Нет, это совсем не тот снег, который украшает новогодние улицы, новогодние ресницы и почти невесомо ложится на провода, на гроздь рябины, на крыши и заборы. Это была стихия, бессмысленная и беспощадная.

Есть мягкий ветерок – и есть ураган, выламывающий деревья из земли.

Есть волна, сверкающая теплыми бликами, – и есть цунами, которая легко перекачивается через острова, смывая дома и холмы.

Есть уютный костер – и есть лесной пожар, от которого выкипают озера.

Есть снег – и снег.

Машины исчезли с улиц еще в середине дня, и по городу разъезжали лишь тяжелые тягачи местного гарнизона. Их почти не было видно в снегопаде, и люди спешили втиснуться в сугробы, издали слышав грохот сильных моторов, скрежет гусениц, едва разглядев размытый свет фар. Тягачами пытались если не расчистить, то хотя бы наметить место, где раньше была дорога. Потом, когда через несколько дней все утихнет, расчисткой можно будет заняться всерьез. После каждого бурана улицы превращались в глубокие узкие траншеи, а очередной снегопад заносил их быстро и намертво. За зиму дороги поднимались на несколько метров, и никого не удивляло, когда к весне машины проезжали на уровне второго этажа.

Город словно готовился к длительной и тяжелой осаде.

Учитывая опыт прошлых циклонов, в магазинах расхватывали хлеб и водку. Потом принялись за консервы, колбасу, рыбу. К вечеру дело дошло до детской муки, пряников, сушек. В промтоварные магазины заходили только отогреться, отдышаться, распрямить затекшие спины.

Среди прохожих все больше попадалось лыжников.

Домохозяйки на лыжах обходили ближайšie магазины.

На лыжи встали разносчики телеграмм, милиционеры, электромонтеры – в горсеть непрерывно поступали сигналы о перегоревших предохранителях, оборванных проводах, поваленных ветром столбах.

Лыжи надели врачи «Скорой помощи».

Чтобы можно было хоть как-то смотреть перед собой, прохожие закрывали лица целлулоидными пленками, фанерными дощечками, на голову под шапки натягивали целлофановые мешки, некоторые надевали карнавальные маски, пугая встречных звериным обличьем и неживыми ухмылками.

В пустом главпочтамте уже несколько дней не было ни писем, ни газет. Только у окошка приема телеграмм с утра стояла терпеливая очередь – Остров успокаивал, Остров просил не волноваться.

Школы засветло распустили учеников, а вслед за ними разошлись и учителя.

Закрылись кинотеатры.

На заводах рабочие, оставив цеха, расчищали склады, подъездные пути, погрузочные площадки.

Ударные бригады пытались разгрести заносы возле хлебозавода, угольных складов ТЭЦ, на вокзале.

Тягачами доставляли молоко в детские кухни, пищу в больницы, хлеб в магазины, пьяных в вытрезвители.

Жители одноэтажных домов запасались водой, дровами, впускали кошек, собак, коз – вполне возможно, что после бурана из снега не будет торчать и труба.

Самый большой город Острова готовился к осаде.

А маленькие поселки, деревни затаились в ожидании. Они могли противопоставить снегу только спокойствие и выдержку.

Спешили в порты катера, пароходы. Не жалея моторов, таранили сугробы шоферы, стараясь успеть добраться до жилья. Не долетев до Острова, разворачивались в воздухе и уходили на материк самолеты.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ! Машинист поезда Дадонов, вспарывая снег высокими валенками, медленно прошел вдоль деревянного японского вокзала с низкими дверями и тощими колоннами, заглянул в зал ожидания и вышел на перрон. У фонаря ветром переломило провод, и лампочка беспрестанно мигала, будто морзьянкой звала на помощь. Когда она загоралась, на первом пути возникал темный и холодный состав. Замерзшие окна вагонов тускло поблескивали в свете задыхающейся в снегопаде лампочки. Но вот провода снова разъединились, и состав словно проваливался куда-то, исчезал.

По железной лестнице, прилепившейся к наружной стенке здания, Дадонов поднялся на второй этаж, постучал валенками о решетку и вошел в кабинет начальника службы.

– Что скажешь, Дадонов? – Усатый, седой начальник быстро поднялся из-за стола и сунул машинисту холодную ладошку. – Опять на погоду будешь жаловаться?

– А чего на нее жаловаться... Погода и есть погода.

– Отличная погода! Бодрит! Молодит! Посмотри на меня – разве нет?!

Дадонов хмуро посмотрел на начальника, скользнул взглядом по окнам и опустил голову.

– Да уж, молодит, – ответил он негромко. – Я вот подумал...

– Рейс отменить? – спросил начальник.

– Не то, чтобы отменить... А задержать маленько не помешало бы.

– Чего ради?! – Начальник всплеснул ладошками, вскинул седые клочковатые брови. –

Ну, снежок выпал, ну, ветерок подул! Ну! Ты помнишь, какой буран был в позапрошлом году? А в пятьдесят седьмом?

- Чего ж не помню, помню...
- А говоришь – погода! Слушай меня, Дадонов... Рейс никто не отменит. Дорога в порядке. Полчаса назад пришел состав из Макарова. Нормально пришел.
- А опоздал на сколько?
- Минут на сорок. Ты слушаешь, Дадонов?
- Слушаю, чего ж не слушаю...
- Так вот, это все, во-первых. А во-вторых, снег идет только на юге. Доберешься до Долинска, а там зеленая улица. Как говорится, ту-ту!
- Ха, зеленая...
- Да и пассажиры-то уже здесь, на вокзале!
- Это их дело, – сказал Дадонов. – Чего пришли, куда собрались, зачем... – Он посмотрел на лужу, которая растеклась от его валенок, смущенно переставил ноги в сторону, потом, не выдержав, сел на соседний стул.
- И еще, – продолжал начальник, – завтра доложу в управлении, что, несмотря на сложные погодные условия, безукоризненно провел состав по длиннейшей трассе Острова опытный машинист Дадонов. Как?
- Если больше нечего, доложи, что провел... Я не затем пришел. Не мое это дело – будет рейс или не будет, доложишь или нет... У меня другое... Буран идет. Где я живу – ты знаешь. Заносит нас каждый раз...
- Знаю. Что дальше?
- А дальше то, что жена у меня остается, дома-то... Отрыть бы ее надо... когда засыплет. Такая вот просьба, – Дадонов поднял голову и в упор посмотрел на начальника.
- Ну и паникер ты, Дадонов! Ну паникер! Посмотри в окно, снег-то уже кончается!
- Кончается или не кончается – не мое это дело. Да и не о том я...
- О чем же?
- Да все о том же... Если засыплет мою-то, отрыть надо бы... Я понимаю, у вас тут свои хлопоты начнутся... Срыв графика, жалобы с заводов, мало ли... Однако же запиши на бумажке-то... На всякий случай.
- Хорошо, Дадонов, не беспокойся. Все сделаем. Так что – счастливого пути!
- Выйдя за дверь, Дадонов остановился на железной площадке, чтобы окинуть взглядом свой состав, как это делал перед каждым рейсом. Но на этот раз он ничего не увидел. Только прямо под ним шевелились размытые контуры вагонов с темными пятнами окон.

НАДО ЕХАТЬ. Они сидели в номере гостиницы, не зажигая света. Еще прошлой ночью часть стекла во внешней раме вывалилась, и теперь окно превратилось в сирену. При сильных порывах ветра стекла вибрировали, прогибались, и где-то между ними рождался надсадный вой.

- Ну что? – проговорил Борис. – Пошли?
- Пошли, – ответила Таня, не двигаясь с места.
- Если хочешь, можем остаться... Кто знает, когда все это может... произойти.
- Через неделю. Не раньше. Так что есть еще время, – по ее голосу он догадался, что Таня улыбается.
- А если раньше? – Борис вдруг почувствовал раздражение.
- Понимаешь, будет лучше, если все это произойдет дома. А здесь... Что мы потом будем делать с ним? В холодном вагоне не повезешь, а оставаться еще на месяц... Ты позвони на вокзал, а?
- Борис резко поднялся, подошел к телефону и почти на ощупь набрал номер.
- Занято. Все хотят ехать, – он сидел на кровати, держа трубку в руке и нажав пальцем кнопку телефона. – Послушай, а ты уверена, что в дороге не начнется? Вот будет катавасия!

– Не говори глупостей! Придет же такое в голову...

– Ну как ты можешь знать?

– Я же чувствую.

– Не представляю, что там можно чувствовать.

– Вам этого не понять, – улыбнулась Таня.

– Занято.

– У вас же к этому отношение... потребительское. Пусть уж лучше он там едет. Теплее, да и места занимать не будет...

Бориса все больше раздражало ее спокойствие. Он молчал и только время от времени набирал номер.

– Занято.

– Понимаешь, мы поедem в обыкновенном вагоне, а он вроде в мягком, да?

– Алло! – громко сказал Борис. – Справочная?.. Девушка, скажите, в девять сорок поезд на Тымовское пойдет?.. Точно?.. Спасибо.

– Ну что?

– Скоро посадка начнется.

Борис хотел добавить еще что-то, но налетел порыв ветра, и комната наполнилась воем. Стекла дрожали, грозя каждую секунду осыпаться мелкой крошкой.

ФИНИШ... НАДЕЖДА.. ЖЕНЩИНА... Дина надела голубой свитер, теплые спортивные брюки, высокие сапоги на «молниях» и, отбросив штору от окна, бегло осмотрела себя в темном стекле. Потом принесла из ванной небольшое зеркало, косметику и села к столу. Все эти тюбики, карандашики, кисточки рождали в ней смешанное чувство надежды и безнадежности. Решившись, Дина с опаской взглянула на себя в зеркало. Из деревянной рамки на нее смотрела в общем-то молодая женщина с голубыми глазами, в которых давно обосновалось разочарование и в самом уголке – вызов... Ну и что, мол? Ну и что?! Дина почти с мстительным наслаждением отметила и подозрительно мягкий подбородок, и не очень-то веселое выражение...

– Самые противные морщины – на лбу.

– Почему? А разве в уголках рта лучше? – возразила она себе.

– Может, и не лучше, но, когда улыбаешься, их не видно... Нужно только почаще улыбаться. Это не трудно, дело привычное. А потом улыбка получается и без твоего участия.

– И носить свитера с высокими воротниками. Тогда и шея твоя будет выглядеть вполне прилично... Морщин не будет видно.

– Их и сейчас не видно.

– Правильно. Но это не значит, что их нет.

– Если у тебя что-то по-настоящему молодое, так это прическа.

– Она в самом деле молодая или... молодежная?

– К прическе не придирайся. Она в норме.

– Это уже точнее. А ты не задумывалась, что из всего имеющегося, так сказать, в наличии у тебя самое молодое? Прическа? Работа? Методистом во Дворце пионеров... Или твой туалет – сапоги, свитер, брюки...

– Ну, прическа... я уже сказала... Она в норме. Работа? Нет, с детьми я кажусь себе даже старше, пожилой кажусь. Слово-то какое – пожилая... То есть достаточно пожившая на белом свете. Человек, которому пора подумать о финише. Ужас. Терпеть не могу слов, в которых есть жэ, ща, эф... Финиш, пожилая, надежда, женщина... Что-то в них общее... Возраст. Так что у тебя самое молодое? Душа? И здесь что-то шипящее... Самая молодая у меня, пожалуй, мечта. Мечта семнадцатилетней девушки... Выйти замуж. Впрочем, мечтой ее уже не назовешь.

– Как же ее назвать?

– Желанием, стремлением... Необходимостью. Злые языки называют диагнозом.
– А тебе не кажется, что ты упиваешься...

– Нет. Не кажется. Если бы сейчас во второй комнате кричали дети, если бы хороший парень укладывал мой чемодан и спрашивал, когда вернусь, когда напишу и нельзя ли вообще отказаться от этой командировки... Вот тогда...

Дина смахнула всю косметику в целлофановый мешочек и поднялась. Пора было выходить.

ТРИНАДЦАТОЕ МЕСТО. На пороге стояла Женька. В длинном распахнутом халате, с припухшими губами. Как-то обеспокоенно стояла. Последнее время она не оставляла Алика ни на минуту и теперь, увидев одного, молчавшего, сразу насторожилась.

– Снег... Иди полюбуйся, – сказал Алик.

– Прекрасный снег. Никогда не видела ничего подобного, – она подошла к мужу и положила руки ему на плечи. Кроме халата на ней ничего не было, и Алик старался не опускать взгляда. – В чем дело? – спросила она. – Ты что-то задумал?

– Все нормально, Женя.

– И ты ничего не задумал?

– Человек всегда о чем-то думает...

– Я помню несколько случаев, когда ты вел себя вот так же... И чем заканчивалось, тоже помню.

– Как же я себя вел?

– Ты упирался лбом в стекло и молчал. И знаешь, чем это заканчивалось?

– Знаю. Я увольнялся.

– Вот видишь, как хорошо мы понимаем друг друга, как знаем друг друга, да, Алик? С полуслова все становится ясным. Нам даже незачем разговаривать, да? Ты постоял у окна, я постояла в дверях, ты подал заявление, я смахнула слезу, да?

Женька смотрела на него всем телом. Она знала, что Алик не выносит такого массирующего взгляда, и пользовалась этим. Уже по этому можно было догадаться, насколько большое значение придает она разговору.

– Алик, ты останешься в тресте.

– А разве я сказал, что уйду?

– Значит, остаешься?

– Видишь ли, Женя, все дело в том...

– Алик, сколько записей в твоей трудовой книжке?

– Двенадцать.

– А сколько тебе лет?

– Тридцать. Будет.

– Алик, когда ты начал работать?

– Семь лет назад.

– Если не считать вынужденных простоев – полгода на место. Я правильно посчитала, Алик?

– Но на последнем месте я уже почти два года.

– Алик, сколько у нас детей?

– У нас нет детей, Женя.

– Почему, Алик? Не отвечай. Я спрашиваю не потому, что не знаю. Я знаю. Кем ты работаешь, Алик?

– Инженером производственного отдела.

– Правильно. Каждое утро ты обзваниваешь весь Остров и собираешь цифирки, чтобы вписать их в клеточки.

– Я составляю отчеты о работе предприятий за прошедший день. Кроме того, на мне лежит обязанность изучать эти данные, обобщать и соответствующим образом...

– Отлично, Алик! Прекрасно, Алик! Восхитительно!

– Вот видишь, тебе даже нравится, – он сделал попытку не заметить издевки.

– Алик, кем работают твои институтские друзья?

– Мои друзья работают министрами, директорами комбинатов, двое защитили юридические диссертации, один стал доктором, трое вернулись из заграничных командировок с «Волгами», один...

– Хватит, Алик. Ты мог бы продолжать, если бы все это была выдумка. Но ведь это правда. Алик, у тебя нет самолюбия.

– Почему? У меня отличное самолюбие. Мы с ним ладим.

– Алик, ты хочешь знать, чем все это кончится? Я уйду от тебя. Хочу жить нормальной жизнью. Хочу рожать детей, гордиться своим мужем и время от времени покупать обновки. И не только себе. Я и тебе хочу делать обновки.

– Хорошо, Женя, я, конечно...

– Алик, я ведь даже не спрашиваю, куда ты хочешь перейти, на какую работу, кем...

– В самом деле, Женя, почему?

– Потому что я уверена – ничего дельного тебе не предложат. Никогда.

– Может быть, в данном случае ты и права, но...

– Алик, ведь ты самый обыкновенный, пошлый, примитивный, дешевый, жалкий летун. Ты что-то ищешь в жизни? Нет, ничего не ищешь. К чему-то стремишься? Нет. У тебя большая цель? Нет. Маленькая цель? Нет. Ничего у тебя нет.

– Женя, послушай, у них там отличное место...

– Тринадцатое?

– Это интересно... Но ведь рано или поздно мне придется перешагнуть через это роковое число. Знаешь, я решил снова вернуться к практике. Я буду выпускать бумагу, а не исписывать ее. А какие там охота, рыбалка! А грибы! Поронайская долина славится такими...

– Знаешь, как переводится слово Поронайск? Гнилое место.

– Так ведь это же не соответствует...

– Все соответствует. Это будет твое гнилое место. Алик, я сказала серьезно. Подумай, Алик.

Женька посмотрела на него долгим взглядом и вышла, всколыхнув воздух полами халата. На секунду в свете кухонной лампочки вспыхнули ее короткие рыжие волосы, и это было похоже на разрыв первого пристрельного снаряда среди вражеских позиций.

Она действительно могла уйти. Алик знал, что ей стоило лишь поднять телефонную трубку и через полчаса в дверь постучал бы молчаливый господин, чтобы помочь перенести вещи в машину.

– Но я хоть съезжу узнаю, что там и как! – крикнул он в открытую дверь.

И ничего не услышал в ответ.

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК ТЕТЯ МАНЯ. Сашка прилетел с материка в болонье и в кавказской фуражке, у которой козырек был величиной с посадочную площадку для вертолета. Несколько дней он просидел в гостинице, ожидая неизвестно чего, знакомясь с ребятами и прощаясь с ними. Деньги, оставшиеся после отпуска, таяли с невероятной быстротой, и Сашка все больше скучал. Сейчас, направляясь к дорожному ресторану, он негромко и уныло матерился. Идя по узкому снежному окопу, в который превратилась улица, Сашка не видел, что делается в метре от него, продираясь на ощупь. Если кто-то шел навстречу, он прижимался спиной к краю окопа, встречный делал то же, и они расходились, не видя друг друга.

Нащупав дверь ресторана, Сашка толкнул ее и вошел. И сразу почувствовал теплые желанные запахи. С усилием распрямил затекшую спину и начал неторопливо снимать с лица подтаявшие ледяные корки. Потом вытряхнул снег из карманов, смахнул со своей странной южной фуражки.

Зал был переполнен.

Пассажиры собрались сюда еще засветло и терпеливо ожидали своих поездов. Единственное, на что надеялись застрявшие в Южном командированные, так это на доброту своих далеких и от этого необыкновенно милых бухгалтеров – главпочта была рядом, и телеграфные денежные переводы еще, слава богу, принимались.

Сашка вошел в зал и остановился. Официантки носились по залу ни на кого не глядя, покрикивали на упившихся, мимоходом кивали знакомым. Люди старательно чокались, пили, со знанием дела говорили о тайфунах, циклонах, снежных заносах и страшных случаях, которых всегда вдоволь в такую погоду. Гул ветра за тонкими японскими стенами вполне заменил оркестр и даже создавал какой-то особый, тревожный уют.

– Садися, парень, хватит стоять-то, – Сашка обернулся и увидел компанию из трех человек. Одно место было свободно. – Хочешь выпить? – спросил его кудлатый сосед, едва он опустился на стул.

– Какие-то вы, ребята, вопросы странные задаете... Даже не разберу – то ли я на Луну попал, то ли вы с Луны...

– О! – восторженно закричал кудлатый. – Я говорил! Наш человек!

Сашке налили водки, придвинули пару салатов с заливными гребешками, плеснули в высокий фужер «Горного воздуха», и парень, сидевший напротив, пояснил строгим густым басом, что к салатам никто не притрагивался.

– Вообще-то гребешки не надо бы, – сказал Сашка. – Ну да ладно, авось...

– Почему не надо? – насторожился кудлатый.

– А потому, что неженатый я, вот почему.

– Ну и что?

– А то, что гребешки женатым хорошо есть... А так от них одно беспокойство.

– Эх, Афоня, все тебе объяснять надо, – сказал строгий парень. Морщины у него были сдвинуты на лбу, губы собраны щепоткой и даже глаза от постоянной сосредоточенности, казалось, сошлись к переносице. Повернувшись к Сашке, парень добавил: – Ты еще скажи спасибо, что мы тебя икрой морских ежей не угостили. А то бы вообще... павианом стал.

– Икру я бы и не ел, – ответил Сашка. – Научен.

– А жиром нерпичьим никогда не запивал? – подал голос молчавший до сих пор парень слева от Сашки – худой, румяный и белокурый. Больно красив для Острова, подумал Сашка.

– Запивал, чего ж... Только тогда и пить незачем.

– Верно, – согласился парень и, взяв бутылку, разлил остатки водки.

Подошла официантка. Она подождала, пока все выпьют, закусят, зажуют, и только тогда подала голос.

– Тебе чего? – спросила у Сашки.

– Мяса.

– Не поняла! – И она вызывающе отвернулась.

– А чего понимать?! – звонко крикнул Сашкин сосед. – Мяса человек желает. Антрекот! Лангет! Отбивная!

Женщина брезгливо посмотрела на кудлатого и ушла. Но через минуту так же молча и презрительно поставила перед Сашкой металлическую тарелку с лангетом.

– Тетя Маня – человек что надо! – горячо прошептал кудлатый на весь зал. Официантка обернулась, словно раздумывая – стоит ли связываться.

– Ты поговори у меня, – беззлобно сказала она и неожиданно подмигнула Сашке. Здорово, мол, я дружка твоего осадила.

– Видал?! – восхитился кудлатый. – Во как! Ты сам-то откуда? С материка?

– А что, видно?

– На мели?

– Точно!

– Чего делать думаешь?

– Хрен его знает!

– В леспромхозе работал?

– Было...

– Ребята, нас четверо, – объявил кудлатый остальным. Он протянул Сашке жесткую, как ступня, ладонь. – Афанасий. А этот серьезный – Иван. Ну и Федор... Очень красивый человек.

– А я вроде того что Сашка.

– Идея есть, – значительно сказал Иван. – Выпить надо. За знакомство. Опять же сворачиваться пора. Десятый час...

– Слушайте, ребята, – начал Сашка, – на пару бутылок у меня еще наберется, но на билет... В такую погоду на крыше ехать вроде бы и ни к чему...

– Тю! – сказал Афанасий. – Вы гляньте на него! – и засмеялся так заразительно, что Сашке сразу стало легко.

– Вот что, – проговорил Иван, – нас держись. Понял? Главное – добраться до Буюклы, а там мы большие люди.

– А здесь как оказались?

– Мы, если хочешь знать, делегаты молодых лесорубов. В Южном все время какие-то совещания, дали и нам маленько передохнуть.

– Маня! – позвал Афанасий. – Получите... А то убежим.

Сашка чувствовал, как мягкими волнами разливается по нему доброта ко всему белому свету, к этим ребятам, которые так внимательно слушают о том, как он подружился в Сибири с грузином и тот был до слез огорчен, что не может ничего подарить, как, обнимая Сашку на перроне, уронил фуражку, а, подняв, натянул ему на голову. Сашка видел, что слушают его не из холодной вежливости – все это интересно ребятам, и, появившись сейчас в зале тот грузин, они, не задумываясь, усадили бы его за стол, а может, и уговорили бы ехать с ними в самую глушь Острова, в маленький лесной поселок Буюклы.

ТАОЛЯ. Ее звали Оля.

Но каждый раз, когда о ней заходил разговор, добавляли: «Это та еще Оля!» И постепенно все стали называть ее Таоля. Имя девушке нравилось.

– Таоля, – говорила она, знакомясь, и внимательно улыбалась – оценены ли необычность и смысл имени.

Оля уже было хотела надевать пальто, как в дверь неожиданно постучали и тут же распахнули ее настужь. На пороге стояла хозяйка. Она быстро обшарила взглядом комнату, будто хотела застать Олю за чем-то, и только после этого повернулась к девушке.

– Молодой человек пришел. Я сказала, что тебя нет.

– А он?

– А он говорит – посмотрите, мол, может, и есть...

– Конечно, я есть. Я всегда есть.

– Хы! – осуждающе сказала хозяйка.

Оля вышла вслед за ней. Снег на лице парня растаял, и оно было мокрым и розовым.

– Здравствуй, Оля, – пробормотал он. – Ты извини... Понимаешь, проходил мимо и случайно...

– Заблудился? – подсказала Оля.

– Да нет, почему заблудился...

– Ладно, проходи.

– Я разденусь, хорошо?

– Раздеваются, Коля, в отдельной комнате и при закрытых дверях. Разве ты этого не знаешь?

Коля сделал вид, что ничего не понял, но, встретившись взглядом с Олей, смешался и покраснел. Это было заметно даже на его розовом с мороза лице.

– Хватит краснеть-то! Проходи. Зачем пришел? Дело какое или так... тоска заела?

– Я же говорю... Проходил мимо...

– А это у тебя что?

– Понимаешь... я не знал, что ты спешишь... И вот взял.

– Конфеты?!

– Материковские. Ты же сама прошлый раз говорила, что... ну, что приходи, мол, чай будем пить.

– А ты поверил?! Что я чай люблю пить?! О боже, боже! Что творится...

Оля засмеялась, разлохматила Коле волосы, вышла на кухню, вернулась и во всем этом было смущение. Конфеты в мокром кульке выбили ее из колеи. Стараясь прийти в себя, обрести уверенность и снисходительность, Оля делала на первый взгляд кучу вроде бы нужных вещей – зачем-то открывала сумочку, что-то вынимала из нее, что-то клала, выходила в коридор, разговаривала с хозяйкой, а вернувшись, начинала что-то искать на подоконнике...

– Чай, – бормотала она. – Это надо же... Ты что, спаивать меня пришел? – Оля обернулась и, не выдержав неловкости, воскликнула: – Колька, ну до чего ты розовый – спасу нет!

– С мороза... Там такое творится...

– Проводишь на вокзал? – спросила Оля.

– На вокзал? Ты уезжаешь?

– Чудик! Я же проводник! У меня смена.

– Какой проводник?

– Ну как... В вагоне проводник. Ты в поезде когда-нибудь ездил?

– Я думал, ты пошутила.

– Хороши шутки! Ох, от тебя и натекло здесь... Задаст мне хозяйка!

– Там, в коридоре, я видел половик... Я сейчас принесу, ладно?

– Да сиди уже, господи! Если бы не смена – никуда бы тебя не отпустила. А что? В такую погоду собаку в дом ташат. А может, плюнуть на этот рейс? А? Черт с ним, а? Перебьются. Пластинки покрутим, любовь покрутим, а? Ты ведь не спешишь?

– Нет, я в общежитии.

– Ой, Колька! И время бы мы провели!

– А что, у вас можно... ну, не пойти в рейс?

– Конечно, можно. Выгонят вот только. С работы выгонят. А мне это сейчас совсем ни к чему.

– Тогда надо ехать.

– Тютя! Надо ехать! Надо ехать! – передразнила Оля. – Уговорил бы, что ли... Тебе-то какая забота – выгонят меня или нет?

– Ну что ты, Оля... Может, и не все равно... Ну, вот к примеру...

– А! – она махнула рукой. – Помоги лучше.

Коля снял с гвоздя шубку да так комом и протянул ее, но, увидев насмешку в глазах девушки, смутился, развернул мехом к себе. Оля нырнула в мягкую шубку, на секунду замерла, резко обернулась.

– Обнял бы!

Коля опешил, потом, как перед прыжком в воду, глотнул воздуха, обхватил Олю и перепуганно ткнулся лицом в ее хохочущий рот.

– Слушай, Колька! Что я придумала! Поехали со мной! До Тымовска и обратно!

– А билет? Понимаешь, я...

– Какой билет?! Я же проводник. У меня персональное купе и в нем полсотни матрасцев, не считая прочих постельных принадлежностей! Поехали, Коль!

– А занятия?

– Да плюнь на них! И какие занятия в буран? Ну?!

– Вообще-то можно...

– Решено. Бери мою сумку и пошли... Пока, хозяйка! – крикнула Оля уже с лестничной площадки.

ЛЮБИТ – НЕ ЛЮБИТ... Это бывало со многими в редакции и всегда сопровождалось мстительным и безобидным смехом свидетелей. Ну в самом деле – сидит человек за столом, смотрит в окно, раскачивается на стуле, перебирает в памяти всякие приятные вещи. Тихонько так копается в них, как коллекционер в марках. Конец рабочего дня. В крайних кабинетах уже командует уборщица, где-то стучат доминошники, из фотолаборатории время от времени доносятся взрывы хохота, мощного и необузданного. А в секретариате на гвоздиках висят все четыре полосы и усталые помсекретари сговариваются о чем-то вполголоса...

И вдруг – крик, резкий, как удар хлыста вдоль спины.

– Грачев! К редактору!

Эти слова можно сравнить с тазом холодной воды, выплеснутой на распаренную спину. Происходит мгновенная остановка движений, слов, жестов. Как в детской игре «замри». Впрочем, Грачеву многое в редакции напоминало детские забавы. Присмотревшись, здесь можно было обнаружить поддавки, считалки, игру во взрослых, когда каждое слово произносится значительно и весомо, как это могут делать только дети. Да и слова подбирались какие-то величавые. В замаскированном виде можно было услышать ребячьи споры о том, кому быть командиром, а в продуманных формулировках улавливались крики «я с тобой не играю», «я папе пожалуюсь», бессмысленные, но обидные дразнилки.

Грачев появился в редакции недавно и с интересом наблюдал новую для себя игру в общественную деятельность. Это была самая главная игра, и выйти из нее, нарушить правила, или даже рассмеяться над чьим-то неудачным ходом, значило навлечь на себя уйму неприятностей. А когда по вечернему коридору разнеслось: «Грачев, к редактору!», это очень напомнило ему вечерний крик с балкона: «Вовка, домой! Отец зовет!» В таких случаях, оправившись от первого шока, невольно начинаешь судорожно перебирать свои явные и никому не известные грехи, срочно подыскивать оправдания, словом, делать то же самое, что и двадцать лет назад, когда с тоской смотрел на темный силуэт матери в окне.

Ошибка в статье?

Жалоба?

Звонок? Откуда?

Неужели?! У каждого за этим словом стоит что-то свое. Девушка в далеком поселке, с которой ты попрощался не самым лучшим образом... Абзац, написанный в горячке, без фактов и подтверждений... Ошибка в прошлом номере, когда ты был свежеголовым... Бумажка из универсама о неуплате очередного взноса по рассрочке...

– Грачев! К редактору!

– Иду! – Папироса в форточку, галстук повыше, легкое откашливание, как перед исполнением ответственной партии, вид решительный и независимый. Что там, мол, еще этому неугомонному...

А в спину – хохот.

– Заставляешь себя ждать, – редактор настроен благожелательно, почти по-домашнему. Он улыбается, смущаясь своего неожиданного вызова, чуть ли не робея перед теми словами, которые ему сейчас придется произнести.

– Понимаете, Василий Степанович, гранки вычитывал... А тут автор позвонил... Виноват-с.

– Ну ладно... Послушай, а что там у тебя за чемодан под столом стоит? Сегодня я был в вашем отделе...

– Василий Степанович, так я же в командировку вчера собирался!

– Почему не уехал?

– Оха закрыта. Уже несколько дней.

– В Оху, значит, собирался? Деньги получил?

– Получил.

– Целы?

– Почти...

– Вот и хорошо. Дома есть телефон?... Отлично. Позвони жене и скажи, что уезжаешь в командировку. В Александровск.

– Сегодня?!

– А что? Не можешь?

– Могу вообще-то...

Грачев мог и отказаться. Дело в том, что у него завтра был день рождения. И, слушая редактора, он быстро прикидывал – как быть?

Остаться? – Володя, открой, пожалуйста, банку... О, вы уже пришли! А мы и не надеялись... Володя, помоги Валентине Петровне! Такой снег! Что снег – закуска! Это все Лаптев... Да вы ешьте, ешьте... Какие у вас шторы! А вот и Витя с Людой! Завтра пожалуй Васе – опять мой материал не пошел... О, да это молодая поросль! Так вот мы какие красивые! Так вот мы какие умные! Кто-то еще пришел! А вот тебе, Вова, шариковая ручка в виде гвоздя... Теперь он будет писать только гвоздевые материалы! А именинник-то наш что-то рано отключился сегодня...

Поехать? Какая это станция? Значит, все-таки двигаемся... Мне до Тымовска, а там в Александровск автобусы ходят. Если, конечно, перевал не засыпан... Девушка, как вас зовут? Можете занимать мою полку, там труба проходит – все теплее. Граждане, автобусы не ходят, завтра попытаемся вертолет вызвать...

– Значит, едешь? – еще раз спросил редактор.

– Конечно!

– Не опоздай на поезд. Отправление в девять сорок.

Щуплый и крупноголовый, улыбаясь большим ртом, Грачев шел по коридору, громыхая тяжелыми туристскими ботинками. Он радовался неожиданному нарушению редакционных будней, радовался тому, что двадцать восьмой год своей жизни встретит без шума и гвалта, которые он терпеть не мог, и самый черный день в году пройдет незаметно, без пустого грохота музыки и бесстыдного звона бутылок.

ОТЛИЧНАЯ МЫСЛЬ – ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ. Виталий решил выпить кофе. Не потому, что ему так уж хотелось этого кофе, вовсе нет. Просто понравилась сама мысль – а не выпить ли чашечку крепкого кофе, черт возьми! И он, подняв голову, закрыв глаза от ударов снежинок, не торопясь поднялся по ступенькам ресторана. Ему страшно хотелось взбежать, захлопнуть за собой дверь и побыстрее сбросить промерзшее нейлоновое пальто, жесткое и гремящее как жесь. Но поступить так значило уронить себя в глазах тех невольных свидетелей, которые, возможно, наблюдают за ним.

В вестибюле Виталий отряхнул снег, сдал пальто и саквояж гардеробщику, заодно купил у него пачку сигарет. Остановившись у большого тусклого, по слухам, еще японского зеркала, Виталий скучающе скользнул взглядом по женским коленям, а потом, так и не посмотрев на самих женщин, на их лица, поднялся на второй этаж.

По широкой мраморной лестнице.

По алой ковровой дорожке.

Опустив руку на полированные перила.

Высокий, худой, красивый.

Большие черные глаза, длинные бархатные ресницы – в этом было что-то девичье. Но молодые морщины на лбу все ставили на свое место. Они придавали его лицу выражение скорбное и оценивающее. Они говорили о его превосходстве над этими людьми, погрязшими в мелких и ничтожных делах, измученных корыстливыми мыслями. И костюм его говорил, и манеры, не умолкая, говорили, визжали, кричали, пищали о своем хозяине запонки, рубашка, туфли, галстук...

Единственно, с чем Виталию не повезло, так это со ртом. У него был маленький, бескровный рот. Похожий на щель, он постоянно менял форму, размер, выражение. Верхние и нижние края этой щели жили как-то самостоятельно, и каждая кривилась как хотела. Но зато зубы у Виталия были в порядке, и он смеялся охотно и громко. Его шумный смех тоже кое о чем говорил... Вы только посмотрите, как легко и беззаботно я смеюсь! Я даже не очень-то беспокоюсь о том, чтобы мой смех был благозвучным. Согласитесь, человек, который может смеяться так радостно и беззаботно, – хороший человек.

Кофе Виталий мог выпить и внизу, в гастрономе. Отличный свежий кофе, который тут же готовили на пару. Но кофе стоя, одетым... Нет. И Виталий с наслаждением прихлебывал из «позолоченного» стакана в «серебряном» подстаканнике серую холодную бурду.

Отведя мизинец в сторону.

Поставив локоть на белоснежную салфетку.

Сев к столу боком и закинув ногу на ногу.

Наблюдая за приготовлениями оркестра и за девушкой у окна.

Девушка должна была чувствовать, что парень, с которым она пришла, ее позорит. Она достойна большего. И, кто знает, не сложись все так вот грустно и неудачно, она сидела бы с Виталием, и как им было бы хорошо!

Виталий безнадежно улыбнулся девушке и, уловив момент, когда она повернулась в его сторону, взглянул на часы и поискал глазами официанта. Но едва только заиграл оркестр, он подошел к их столику, извинился перед парнем и пригласил ее. Девушка покраснела, растерялась и... поднялась.

Некоторое время они танцевали молча, одни во всем зале. Потом Виталий задал вопрос, ответ на который знал.

– Это, – он показал глазами куда-то в зал, – ваш муж?

– Нет, что вы! – быстро ответила девушка.

– Нет?! – изумился Виталий. – И вам... интересно с ним?

– Да как вам сказать... В общем-то...

– Все ясно. Вы его терпеть не можете.

– Ну, что вы... Это, пожалуй, слишком.

Виталий почувствовал вдохновение. Разговор шел так, как ему хотелось, позиции определились. Она – прекрасная и несчастная золушка, он – принц, который может спасти ее, но еще не решил, стоит ли.

– Вы часто бываете здесь? – спросил он, закончив поворот, во время которого как-то уж очень нечаянно коснулся ее груди.

– Нет, что вы! Первый раз. Он пригласил, и...

– И вы пошли?

– Так уж получилось.

Девушка оправдывалась, а большего Виталию и не нужно было. Теперь он мог спокойно уходить, тем более что времени у него не оставалось.

– А где вы бываете часто? – спросил он, улыбаясь смутно и неопределенно, словно смотрел в витрине на вещи, которых ему никогда не купить.

– В пирожковой... Знаете, возле Дворца спорта...

– Ну, вот и все... Наше с вами время кончилось. Благодарю вас. Мне пора.

– Вы уходите?

– Я уезжаю, – сказал он горько, – На полюс холода – в Тымовскую долину. Ну да ладно, – и, словно бы отбрасывая печальные и неуместные мысли, добавил: – Я не спрашиваю, как вас зовут... Вы мне скажете, когда мы встретимся. Возле Дворца спорта. Хорошо? Мы встретимся с вами совершенно случайно, хорошо? И придем сюда.

Девушка кивнула, когда они уже шли к столику. Даже не взглянув на парня, Виталий направился к выходу. Через весь зал, по узкой ковровой дорожке, высокий и таинственный, провожаемый взглядами...

– Эй, друг! – неожиданно громко окликнул его парень. – Подойди сюда на минутку.

Виталий еще издали улыбнулся девушке и подошел, внезапно ощутив, как часто застучало сердце.

– Скажи мне вот что, – парень смотрел на него раздумчиво, будто решая для себя важный вопрос. – Тебе никогда не били морду?

– Да нет, как-то обходилось...

– Странно, – медленно проговорил парень, вертя в пальцах пустую рюмку. – Очень странно... Ну, ладно, иди. Иди-иди, я больше тебя не задерживаю.

Виталий пожал плечами, недоуменно посмотрел на девушку, повернулся и пошел, невольно убыстряя шаги и чувствуя, как вдруг вспотела ладонь, сжимающая ручку саквояжа. Ему страшно хотелось обернуться, чтобы узнать, не идет ли парень за ним, но он сдержался. Уже выходя из зала, аккуратно закрывая за собой дверь, он все-таки оглянулся. И перевел дух – парень остался сидеть. А окончательно он пришел в себя на улице, когда огни ресторана исчезли в снегопаде.

ЧТО-ТО СЛУЧИЛОСЬ... Кравец тяжело поднялся с дивана, побряхтел и, подойдя к окну, уперся тяжелым морщинистым лбом в холодное стекло. Он долго смотрел на плавающие в снегу фонари, на размытые пятна окон, на медленно передвигающиеся по улице огни тягача. Стекло приятно охлаждало лоб, и Кравец прикрыл глаза. Порывы ветра по ту сторону окна, весь этот вой и грохот создавали чувство безопасности. Где-то люди пробирались домой, где-то мерзли шоферы в своих не очень-то утепленных машинах, прятались за торосы застигнутые врасплох рыболовы...

Кравец на какую-то секунду представил себя там, за окном, беспомощно барахтающимся в снегу и зябко поежился. Он плотно задернул шторы, будто отгораживаясь от бурана, и снова сел, опустив руки между колен.

– Ну? Ты долго убиваться-то будешь? – спросила жена. Она все это время стояла в дверях и терпеливо ждала, пока он взглянет на нее. Старик вскинул клочковатые брови, и на мгновение под ними сверкнули маленькие синие глазки.

– Ну? – снова сказала она. – Ничего же не случилось! Не случилось ведь!

– Может, случилось, а может, и нет, – голос у Кравца был низкий, со слабой хрипотцой.

– Нельзя же быть такой тряпкой! Нельзя ведь!

– Ух, – усмехнулся Кравец. – Когда-то надо ею стать, тряпкой-то... У меня это получилось сегодня.

– Перестань. Это от погоды. Буран, упало давление... У тебя уже было такое.

– Было-было, – скороговоркой пробормотал он, словно успокаивая жену. – А может, и не было... Кто его знает, – Кравец с усилием поднял голову, вскинул брови, и где-то там, в глубине, она опять увидела его глаза. – Каждый раз это бывает по-разному... Раньше я бесился, бежал куда-то... А теперь прошло... Все это ни к чему. Бесполезно.

– Может, ты просто устал? – Жена пыталась, если не успокоить, то хоть как-то расшевелить его.

– Возможно, – протянул он безразлично. – Мне уже не хочется...

– Чего не хочется?

– Все зависит от того, как повезет, а остальное... – он махнул рукой, – остальное так...

– Брось говорить глупости. Возьми себя в руки.

– Я возьму или меня возьмут... Так ли уж это важно теперь... Главное, что я буду в руках.

– Да можешь ты сказать наконец, что произошло?! – Жена подошла к нему и села рядом.

– Понимаешь... Мне лучше уехать. Хоть на неделю.

– Куда?! Ты посмотри, что делается на дворе!

– Вот и хорошо, – сказал он спокойно.

– Что же тут хорошего?! Раздевайся и ложись. Никуда я тебя не пушу. Тебе нужно выспаться. А утром поговорим.

– Х-х, утром... Нет, – проговорил он тихо, и она сразу поняла, что в этом негромком, протяжном «нет» завязнут все ее доводы и уговоры. Он уже произнес слово «уехать», и теперь его не остановить. – Нет, – повторил он громче и тверже. – Тот чемоданчик ты не трогала?

– Да я год к нему не притрагивалась.

– Год... Пора и честь знать.

– О боже! Забраться в такую глушь, в такую дыру! И зря.

– Хватит, – сказал Кравец. – Не такая уж это глушь. Областной центр все-таки. То ли еще будет... Который час?

– Девять.

– Успею.

Жена сидела растерянная и подавленная, с пустыми глазами, постепенно набухавшими слезами. Руки бессильно лежали на подоле, между некрасиво расставленными ногами. Она опустила голову, и ее старое лицо свесилось вниз. Обвисли губы, щеки, набрякли глаза. Слезы капали с них, не касаясь щек.

Через пять минут Кравец стоял одетый, с небольшим чемоданчиком в руке, и от всей его маленькой корявенькой фигуры веяло решимостью. Жена подошла к нему, постояла, не поднимая головы, потом, будто через силу, посмотрела на мужа.

– Видишь ли, – сказал Кравец, – он узнал меня.

– Кто?

– Он все время встречается мне... И смотрит, смотрит. То на улице, то в магазине, вчера возле нашей конторы топтался... Если все будет в порядке, я через неделю вернусь. В крайнем случае дней через десять.

– Но какой смысл ехать, если он узнал тебя? Ведь тогда тебе и возвращаться нельзя...

– Э-э, – протянул Кравец многозначительно. И ушел, ничего больше не прибавив.

Жена постояла еще немного, медленно опустилась на ящик с сапожными щетками и, уткнувшись лицом в полы своего пальто, заплакала, уже не сдерживаясь.

ВОДКА В ПОЛОВИНЕ ДЕВЯТОГО. Дверь гастронома открывалась не полностью – приходилось прилагать усилие, чтобы сдвинуть нападавший снег и протиснуться в узкую высокую щель. Гена подпер дверь ногой и, протолкнув перед собой чемодан, проскочил внутрь. Дверь тут же бросилась за ним, с размаху ударилась о порог и задержалась на петлях, будто от злости.

Поставив чемодан на усыпанный мокрыми опилками пол и сняв шапку, Гена вытер лицо теплым нутром.

Покупателей было немного, все они торопились побыстрее уйти. На Гену никто не обращал внимания. Это приободрило его. Он подошел к гастрономическому отделу, подождал, пока отойдет от прилавка женщина, пока поболтает с подружкой продавщица – он боялся рассердить ее.

– Девушка, – наконец, сказал он, чувствуя, что уже в самом обращении есть комплимент, – мне бы водки купить, а?

– Чего?

– Водочки, девушка...

– До восьми водка. Уже кладовку заперли.

– Как же быть, девушка, ведь не знал я, у нас такого порядка нет, а, девушка?

– Приходи утром... Если нас не занесет к тому времени.

– Не, мне на поезд надо.

– Езжай трезвым. Запрещено продавать водку в такой буран.

– Так не себе ведь беру!

Но продавщице уже наскучил разговор, и она отвернулась. Гена потоптался, окинул взглядом пустые полки, на которых еще недавно стояла водка, снова попытался что-то объяснить.

– Мне нужен заведующий, – строго сказал Гена. – Позовите его, пожалуйста.

– Во-во, ему только тебя не хватало... Весь день страдал наш заведующий и не знал, отчего... Оказывается, тебя дожидался.

– Где его кабинет?

– А неприятный день сегодня, понял?

– Это почему?

– Нездоровится нашему заведующему, – и обе девушки, не сговариваясь, засмеялись весело, но опасно.

– И что же болит у него? – спросил Гена.

– Вот уж не знаю, что в таких случаях болит... У кого что – голова, печенка, селезенка... У некоторых совесть начинает пошаливать. У тебя вот, к примеру, что болит?

– Язык во всяком случае не болит. Где заведующий?

– А вон, за спиной дверь... Зальют глаза и не видят ничего... Только не вздумай заведующим его назвать... Директор он.

Директор сидел, положив руки на стол, и с грустью смотрел куда-то в пространство. Гена сразу узнал эту грусть, эту задумчивость и проникся уважением к пожилому плотному человеку.

– Ну? – сказал директор. – Чего тебе? За водкой пришел?

– Как вы сразу... Я даже подготовиться не успел.

– А нечего готовиться. Не ты первый, не ты последний. Не дам.

– Нет, товарищ директор, вы послу...

– Сказал: не дам, и – кончен разговор.

– Уезжаю я сегодня, нельзя же без водки возвращаться... За ней и приехал в Южный. Бригада послала.

– Это как бригада? – В глазах директора шевельнулся интерес.

– Да так, просто... Собрали деньги на командировочные расходы, прибавили суточные, дорожные...

– А с работой как же?

– Отмечают за меня ребята в табеле, работают за меня, – Гена понял, что дело малость сдвинулось. – Когда на работе кого-то нет, план всегда выполняется – ответственность. Понимаете, водка у нас в поселке кончилась, дороги замело, подвезут не скоро...

– Сколько тебе?

– Три ящика.

– Ты что, с машиной?

– Нет, сам. С собой унесу.

– Три ящика унесешь?!

– В чемодане. Посуду, правда, могу вам оставить... В знак благодарности.

Директор устался на чемодан долгим задумчивым взглядом и, кажется, совсем забыл и Гену, и его просьбу. Через минуту он часто заморгал, посмотрел на Гену и поднялся.

– Пошли.

В коридоре они протиснулись между ящиками и оказались в подсобке. Здесь пахло копчеными балыками, селедкой, мокрыми опилками, было тесно и сыро. Гена с удивлением осматривался по сторонам, первый раз видя кухню того зеркального великолепия, которое сверкало по ту сторону перегородки. И даже девушки-продавцы, входя сюда, как-то тускнели и блекли. Как если бы актер с залитой прожекторами сцены прошел за кулисы.

Больше всего Гену поразили ящики с водкой. До сих пор он никогда не видел ее в таком количестве. Им овладело радостное чувство узнавания. По уголку этикетки, форме и цвету бутылки, по виду пробки, цвету самой водки он как бы прочитывал знакомые названия, и в душу его широким светлым потоком лился восторг.

Белая этикетка, золотая вязь надписи наискосок, слабый рисунок высотного здания – конечно, «Столичная». Сколько на свете зеленых оттенков, но колорит «Московской» невозможно спутать ни с чем. Четкий шрифт на бутылке со спиртом – грубый и простой, как сам спирт. Но изысканные буквы «Кристалла» ничем не напоминали сам напиток – жесткий и обжигающий. А вот два небрежно брошенные на рисунок перца... Господи! «Перцовка»! А вот тот же рисунок, но в каком-то другом, чужом колорите – тоже «Перцовка», но уже тридцатиградусная. Славянскую вязь «Старки» на черном фоне в полумраке подсобки прочесть было невозможно, да и зачем? Спеша за директором, Гена уголком глаза заметил кончик хвоста вздыбившегося быка, и сердце его легонько дрогнуло – «Зверобой». А потом мелькнул еще один ящик, и Гена, не успев даже разглядеть этикетки, понял – в магазине есть «Петровская». Протискиваясь между ящиками, он улыбался все шире, радостней, предчувствуя, как будет угощать ребят, как, перевирая и размахивая руками, расскажет об этом своем посещении. Он уже знал наверняка, что навсегда запомнит этот случай, как запомнил единственное свое посещение церкви в Харькове, где он был как-то проездом.

– Хорошо-то как, господи! – выдохнул Гена почти неслышно.

– Ну? – обернулся директор. – Что брать будешь?

– А бес ее знает... Глаза разбегаются.

– Решай... Больше такого случая не будет, – директор гордился своими владениями и, видя неподдельный восторг Гену, проникался к нему все большим доверием.

– Можно, конечно, чего попроще, «Московскую», например. Но раз уж такой случай выдался – неудобно. Ребята засмеют... Нашел, дескать, что выбрать... Давайте лучше «Столичную», хотя мне в общем-то все равно. Было бы закусить чем.

– Это главное, – подтвердил директор, думая о чем-то своем. И Гена снова обратил внимание на легкую поволоку в его глазах, неуверенность движений, да и лицо директора нельзя было назвать очень уж свежим.

– Я вижу, вы сегодня малость того, – Гена покрутил в воздухе растопыренной пятерней.

– Да, кое-что есть... Остаточные явления. Вот здесь «Столичная». Эти три ящика твои.

Директор не уходил. Ему было любопытно, как один человек возьмет три ящика водки да еще в такую погоду. Не один раз он видел, как уносили бутылки в карманах, авоськах, дамских сумочках, медицинских саквояжах, инкассаторских мешках, видел, как водку пили тут же, в магазине, «не отходя от кассы», как сливали ее в бидоны, ящиками грузили в мотоциклы, грузовики, телеги, увозили на багажниках велосипедов... Но чтобы вот так...

Усевшись на фанерный ящик, Гена поставил перед собой чемодан, отвинтил неприметную плоскую крышечку рядом с ручкой, заглянул в дырку и, подмигнув директору, дунул в нее. Внутренность чемодана загудела, как пустая цистерна. Потом Гена сунул нос в отверстие и шумно втянул воздух. Прислушался, словно ожидая обнаружить в чемодане какие-то признаки жизни. Снова посмотрел на директора – вот так, мол, ничего хитрого, можно начинать...

Он взял из ящика крайнюю бутылку, одним движением крепких, огрубевших от подземной работы пальцев сорвал алюминиевую нащепку, открыл еще одну бутылку и перевернул их над дырой, склонив голову и прислушиваясь к волнующему бульканью внутри чемодана.

– Хитро, – одобрительно сказал директор. – Где это ты такую емкость раздобыл?

– Наши ребята... В мастерских сварили. Они и черта сделают. По пятому разряду работа. А что, нет? Рассчитали канистру с точностью до ста грамм... А чемодан – государственного производства.

– Не отказался бы и я от такого чемоданчика... Поменьше бы вот только... Литров этак, – директор задумался, будто он уже стоял у прилавка и выбирал себе чемодан с канистрой, – литров этак на десять. Да, около того. Есть такие интеллигентные чемоданчики. Я знаю, видел...

Гена осторожно опустил в гнезда пустые бутылки, открыл еще две, подумал и принялся открывать все подряд.

– Ладно уж, – сказал директор. – Помогу.

Он приставил низкий ящик из-под крабов, тяжело сел на него и, не торопясь, начал открывать бутылки. Минут через пятнадцать все было закончено. Последние две поллитровки с пустым, обесцвеченным звоном опустились в проволочные гнезда. На полу тихо светилась белая горка алюминиевых пробок.

Директор не утерпел и заглянул в дырку. Водка плескалась у самого среза.

– Точный расчет, – похвалил он неизвестных мастеров.

– Если бы до капли выливали, вообще с верхом... Но и так булькать не будет. Могут ребята, – горделиво протянул Гена. Он сдунул с резиновой прокладки невидимые пылинки, накрыл ею дыру и аккуратно, намертво завинтил крышку.

– Век живи – век учись, – задумчиво сказал директор. – Ну ладно, пошли расплачиваться.

ДВЕ ДЕВУШКИ-ПОДРУЖКИ. Люба была очень красивой девушкой, но полагала, что она еще красивее, ожидала, как водится, принца, необычной счастливой судьбы и уже несколько лет собирала выражения и остроты, касавшиеся силы, власти и возможностей прекрасных женщин. Говорила Люба мало и осторожно, боясь ненароком сказать нечто такое, что разочарует в ней. Ей казалось, будто с каждым словом что-то убывает из нее, будто она в чем-то разоблачает себя, а вот в чем – понять не могла и поэтому старалась говорить поменьше. Люба заметила, что ее красота оказывает на людей странное давление, придает убедительность словам, а желаниям – законность, заметила, что ей почти не приходится настаивать на чем-то, упрашивать... Почему так происходит, она не знала да и не задумывалась над этим, принимая все, как нечто само собой разумеющееся. Если говорить о внешности, то кореянка Катя была не хуже своей подруги, но как-то уж очень охотно она поставила себя в подчиненное положение, раз и навсегда решив, что Люба лучше, достойнее. Люба не возражала, и подруги жили без ссор и недоразумений. Иногда, правда, словно чувствуя какую-то вину, Люба гладила смуглые щеки Кати, восхищалась ее большими выпуклыми губами и маленьким ртом, ее черными гла-

зами, хвалила прямые блестящие волосы, но, спохватившись, никогда не забывала посетовать, что вот, мол, ноги у Кати не того...

Обе девушки закончили музыкальное училище в Южном и, побездельничав с полгода, собрались наконец ехать по направлению в Александровск. Они считали, что им повезло. Александровск – бывшая столица Острова, город большой, с кинотеатром, клубом, магазинами и каменными домами. В Александровске был порт, в полусотне километров – аэродром и железная дорога.

Девушки пришли на вокзал еще засветло, с родителями. А потом, когда остались одни, сели на чемоданы, аккуратно сдвинув колесики, да так и просидели несколько часов, не поднимаясь. Когда они появились здесь, сугробы по ту сторону окна едва достигали подоконника, а теперь снег уже подбирался к форточкам. За это время стемнело, закрылся и снова открылся ресторан, несколько раз шумно перессорились и так же шумно помирились цыгане, неизвестно куда и откуда направляющиеся. Два парня, которые подрались было возле девушек, сходили вместе в парикмахерскую, побрились, постриглись и мирно уснули в обнимку, распространяя смешанный запах дешевого одеколона и плохой водки. У обоих были розовые щеки, припухшие губы и длинные жидкие бакенбарды.

– Вот такой муженек попадется, – сказала Люба. – Хочешь – смейся, хочешь – плачь... Сразу вешаться можно.

– Почему? Ребята как ребята...

– Ну, извини-и, – протянула Люба. – Лучше уж по рукам пойти... Все веселей.

– Скажи, а в Александровске есть корейцы? – неожиданно спросила Катя.

– Есть, наверно. Они везде есть, по всему Острову. А что?

– Ну как... Русские ребята вряд ли захотят со мной... Ты понимаешь...

– Ого! Еще как захотят!

– Послушай, но ведь старая граница была южнее Александровска, значит, там нет корейцев?

– А почему ты решила, что наши ребята не захотят...

– Стыдно, наверно. Помнишь, как над Юркой смеялись, когда мы с ним в кино стали ходить? Я не знаю, что ребята говорили ему, только слышала, что смеялись. И больше мы с ним не ходили...

– Глупости! Смеялись, когда кто-то сказал, что после вашей свадьбы он твою фамилию возьмет... И будет Юрка – Хан. Ой, кажется, посадка начинается! Давай пробираться, а то места займут – потом доказывай.

МАЛИНА, НАГРЕТАЯ СОЛНЦЕМ. Фамилия у него была звучной и представительной – Арнаутов. Ему шел седьмой десяток, большую часть жизни он прожил на Острове и теперь не мог отсюда уехать, как бы этого ни хотелось: резкая перемена климата убила бы его, сроднившегося с островным солнцем, влажностью и прочими тонкими вещами, в которых и медики не очень-то разбираются. Работал Арнаутов ревизором-бухгалтером. Сухой, лысый, красный, он всегда приходил в отличное расположение духа, вспоминая о своем прошлом, когда на Острове было мало людей, совсем не было авиации, и он – молодой, сильный и веселый – ездил на собаках, оленях и еще на чем-то.

Арнаутова, как огня, боялись на всех бумажных комбинатах Острова. И это давало ему силы жить. Он где-то вычитал, что хорошее настроение, довольство собой и своими делами, как ничто другое, продлевает жизнь. С тех пор Арнаутов вызывал в себе радостное состояние духа чуть ли не силком. Да, он был бодр и энергичен, но очень болезненно переносил старость. Рядом с людьми молодыми и здоровыми он чувствовал себя чуть ли не оскорбленным. Арнаутов понимал, что годы не вернешь, но ничего не мог с собой поделать. Чужую молодость воспринимал как вызов, попытку уязвить его, намекнуть о скором конце. Имея дело с молодыми

специалистами, он невольно настораживался, капризничал, сопел, подолгу копаясь в цифрах, и всегда находил то, что хотел найти.

Арнаутов был богат. И это давало ему то ощущение превосходства, без которого он тоже не мог общаться с людьми. Но понимая, что это превосходство условное, оно исчезает при одной только мысли о возрасте, Арнаутов с подъемом говорил о своем железном здоровье, о долгих годах, ожидающих его на материке. Там, в южном городе Ростове, ожидал его двухэтажный дом с белыми стенами, машина «Волга», тоже белая, и яблоневый сад. Обо всем этом Арнаутов говорил часто, с неизменной обстоятельностью и... Прекрасно зная, что никогда не будет ездить в белой машине, жить в доме с белыми стенами и отдыхать в белом яблоневом саду.

Несколько лет назад Арнаутов пережил семейную драму, после которой его отношения с молодыми обострились еще больше. Дело в том, что жена Арнаутова, женщина моложе его на добрых два десятка лет, как-то во время очередного отпуска на материке познакомилась с полковником авиации и, получив предложение, написала обо всем Арнаутову. Старик очень обиделся, но препятствий чинить не стал. А когда жена уехала к своему полковнику, отправил длинное письмо в Министерство обороны о моральном разложении высших чинов армии. Естественно, легчика вызвали куда надо, что надо сказали, чем надо пригрозили. После этого жена вернулась на Остров, почти год работала уборщицей в кинотеатре. Сжалившись, Арнаутов предложил ей вернуться. Она вернулась. Теперь в ее обязанности входило стирать бывшему мужу, готовить, убирать квартиру и молчать. Женщина, за один год состарившись на все десять, согласилась. От нее Арнаутов и узнал, что после истории с его письмом дела у полковника пошли плохо, он даже запил, а однажды выстрелил себе в грудь, но неудачно, и несколько месяцев пролежал в больнице.

В тот вечер, перед отъездом в командировку, с Арнаутовым произошел странный случай, сильно поколебавший его самоуверенность и спокойствие. Глядя, как бывшая жена молча укладывает его чемодан, а потом увидев совсем рядом, очень близко ее руки, когда она пришивала пуговицу к уже надетой рубашке, Арнаутов вдруг перенесся в солнечный полдень на окраине города Запорожье, в заброшенный сад, оказался среди кустов малины и рядом с загорелой девушкой в коротком платье. Наклонившись к кусту, он нечаянно коснулся щекой ее колена. Оно было теплое и показалось почти обжигающим. Девушка засмеялась и протянула ему горсть собранных ягод. С болезненной четкостью Арнаутов увидел, как он, сорокалетний бухгалтер, тощий и неуклюжий дикарь с далекого Острова, губами берет с ее ладони теплые, нагретые солнцем ягоды. И ладонь девушки тоже была теплая, перепачканная малиновым соком...

Арнаутов совсем забыл об этом случае и теперь вспомнил о нем почти со страхом, будто узнал о себе нечто такое, о чем раньше и не подозревал. Опустив глаза на сморщенные ладони женщины, с грубо обрезанными окостеневшими ногтями, Арнаутов почувствовал, как в его изъеденной будто ржавчиной душе что-то дрогнуло.

За весь вечер он не сказал ни слова, выглядел растерянным и ушел, не попрощавшись, тихо ступая по выстиранному половичку. Только по щелчку замка жена догадалась, что он ушел.

И ДРУГИЕ... А еще в этот вечер уезжали на север Острова цыганский табор, правда, без лошадей и кибиток, армянская строительная бригада, несколько бичей, передовики нефтяного производства из Охи, многочисленные командированные, сезонники, раньше времени растратившие длинные рубли...

Когда здесь появились цыгане, никто точно сказать не мог, знали только, что прибыли на пароходе вскоре после войны и с тех пор кочуют по островному бездорожью. Летом забираются на самый север, к полуострову Шмидта, а с наступлением холодов устремляются на юг – к Аниве, Корсакову, Невельску. Что забросило их на край света, в места не очень-то распола-

гающие к кочевому жилью, непонятно. Проходил год за годом, а цыгане не только не уезжали с Острова, а, наоборот, осваивали все новые и новые его районы, проникая иногда в такие медвежьи углы, из которых месяцами не могли выбраться. Но ни морозы, ни дожди и туманы не могли заставить их сменить одежду, в которой кочевали их предки и пятьдесят, и сто лет назад. Мужчины ходили в начищенных сапогах, приспущенных брюках и длинных черных пиджаках, женщины – в платьях до пят.

Останавливались цыгане в небольших гостиницах, с шумом и гамом занимая целый этаж. И бегали по коридорам босые сопливые пацаны, кричали на весь дом женщины, властно басили мужчины. Из номеров по такому случаю выносили ковровые дорожки, и цыгане ходили по голым доскам неторопливо и величаво, поскрипывая сапогами и глядя в замерзшие окна большими грустными глазами.

А однажды утром жильцы просыпались в необычной тишине и узнавали, что табор еще до рассвета, заняв маленький рейсовый автобус, отбыл в неизвестном направлении.

Не менее шумными были армяне, которые съезжались на Остров каждую весну. Они прилетали строительными бригадами и в глухих поселках, леспромхозах нанимались строить коровники, школы, жилье. Строили армяне быстро и доброту. И если местному начальству удавалось обойти некоторые финансовые ограничения, оно всегда с радостью заключало договор с такой бригадой. Каждому армянину в конце сезона причиталось сколько-то там тысяч рублей, но это было намного выгодней и надежней, чем довериться строительному управлению. Заключив договор с армянами, можно было особо не беспокоиться ни о транспорте, ни о материалах, ни о сроках – они развивали такую бурную деятельность, что за ними не поспевал ни один снабженческий отдел. Их представители, пересаживаясь с самолета на пароход, с автобуса на поезд, всегда находили людей влиятельных, но не отягощенных большими должностями. А через день-два, посвященных дегустации армянских коньяков, в адрес стройки отгружались лес, стекло, железо, цемент – все, что в суровых островных условиях распределялось жестко, без расчета на невиданную производительность заезжих бригад.

Армяне сами рыли канавы, прокладывали водопровод, возводили стены, стеклили окна, закрывали наряды и просили только об одном: чтобы к этим нарядам не очень присматривались. Они не знали простое, и, вздумай кто-нибудь обобщить их опыт, Остров давно бы превратился в тихоокеанскую жемчужину страны. С армянами не могли тягаться ни горящие энтузиазмом студенческие отряды, ни местные халтурщики, ни строительные тресты.

Еще зимой покидали они родные горы и летели на заснеженный, промерзший Остров. Поселившись в гостиницах, частных домах, армяне до самой весны выбивали заказы, заключали договора, знакомились с хорошими людьми. Раз в неделю вызывали по телефону родных и через всю страну, забывая гортанными голосами атмосферные помехи на десяти тысячах километров, кричали, хохотали, шутили, услышав в трубке родной писк. А потом, возбужденные и радостные, шли по темным сырým улицам и до глубокой ночи мечтали об Армении, которую увидят не раньше, чем через полгода.

Пожалуй, по всему Дальнему Востоку, включая Чукотку, Магадан, Камчатку и Курилы, шатались бичи, эти морские, таежные и прочие тунеядцы, которые от тунеядцев материковских отличались непоседливостью, а, возможно, были в чем-то опаснее городских. Матросы, списанные на берег за всевозможные грехи, рыбаки, ожидающие путины, летуны, давно уже потерявшие способность задержаться где-либо хоть на полгода, алкоголики, люди, прибывшие сюда в поисках голубой романтики и теперь употреблявшие это слово разве что в качестве ругательства. Были среди них неудавшиеся поэты и прозаики, так и не нашедшие пробивной темы, за которой прибыли сюда. Здесь встречались сбежавшие от жен, долгов, алиментов, растрат, сбежавшие от опостылевшей конторской жизни, разочарованные в городах, друзьях, самих себе. Были и убежденные сезонники, которые просто ждали момента, чтобы уйти в море, в тайгу, на промысел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.